УДК 330.35.01

JEL O40, O43

DOI: 10.17213/2312-6469-2020-5-32-47

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ – ДОСТАТОЧНОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© *Н.В. Апатова, Т.К. Узаков* 2020

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Россия, г. Симферополь*

Рассматриваются проблемы реализации инклюзивного экономического роста, а также структура фактора инклюзивности, отражающего позитивное влияние экономического роста на качество жизни населения. Определены индикаторы инклюзивного экономического роста, к традиционным показателям и компонентам экономического роста при инклюзивном технологическом росте присоединяются индикаторы цифровой экономики, а также экологические и социальные показатели. Предлагается инклюзивный экономический рост рассматривать как системное, комплексное явление, охватывающее все сферы жизни общества, обеспечивающее устойчивое развитие и гарантирующее продуктивную занятость, баланс экономической, экологической и социальной систем, рост реальных доходов населения и преодоление бедности. Для перечисленных категорий приводятся факторы, производится их детализация и оценки.

Ключевые слова: *экономический рост, инклюзивный экономический рост, технологии, цифровая экономика.*

INCLUSIVE ECONOMIC GROWTH AS A SUFFICIENT CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF A MODERN SOCIETY

© *N.V. Apatova, T.K. Uzakov* 2020

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

The problems of implementing inclusive economic growth, as well as the structure of the factor of inclusiveness, reflecting the positive impact of economic growth on the quality of life of the population are considered. Indicators of inclusive economic growth identified, they include the indicators of the digital economy, as well as environmental and social indicators, which added to the traditional indicators and components of economic growth with inclusive technological growth. We propose to consider inclusive economic growth as a systemic, complex phenomenon, covering all spheres of society, ensuring sustainable development and guaranteeing productive employment, a balance of economic, environmental and social systems, the growth of real incomes of the population and poverty alleviation. For these categories and factors, they are detailed and evaluated.

Keywords: *economic growth, inclusive economic growth, technology, digital economy.*

Введение

Проблема экономического роста, повышения социального и духовного уровня жизни народов является одной из самых приоритетных общечеловеческих проблем XXI века. Независимо от достигнутого уровня социально-экономического развития, все страны мирового сообщества нуждаются и заинтересованы в осуществлении трансформационных процессов, направленных на стабильный экономический рост. И в первую очередь это касается огромной группы экономически отсталых стран и территорий.

Вопросы экономического роста рассматривались в многочисленных трудах ученых различных стран, в том числе, существует большое количество публикаций российских исследователей данной проблемы. В цифровой экономике при бурном развитии информационных технологий и внедрения их во все сферы государственной, хозяйственной, социальной жизни общества, необходимым условием экономического роста становятся инновации, однако, достаточным условием является фактор инклюзивности, отражающий позитивное влияние достижений роста на жизнь каждого человека.

Результаты исследования

В современных условиях решающим фактором развития становится человеческий капитал. Можно сказать, что получает развитие экономика нового уровня – персонального, которую по аналогии с макро- и микро-экономическими теориями можно назвать «экономикой индивидуума».

В связи с тем, что экономический рост, состоящий в наращивании ВВП на душу населения, продолжает усиливать экономическое неравенство населения и разрыв в доходах различных его групп, в 2017 году в г. Давос (Швейцария) в рамках Всемирного экономического форума был представлен новый показатель – Индекс инклюзивного развития (Inclusive Development Index, IDI) и произошла ориентации ряда стран на инклюзивный экономический рост [1]. Компоненты Индекса инклюзивного развития объединены в три группы: 1) рост и развитие (ВВП на душу населения, ВВП на одного работника, продолжительность жизни, занятость); 2) устойчивое развитие (скорректированные чистые сбережения, парниковая интенсивность ВВП, государственный долг, коэффициент демографической нагрузки); 3) инклюзивность (уровень бедности, медианный доход, коэффициент расслоения общества по доходам, коэффициент расслоения общества по распределению богатства).

Б. Санто еще в 2004 году, исследуя роль инноваций в социально-экономическом развитии, отмечал, что в новой, инновационной экономике, показатель ВВП на душу населения уже не отражает реальное состояние в конкретной стране [2]. Через 13 лет данный факт был официально зафиксирован в Давосе [3]. В качестве примера приводятся следующие рейтинги (2017 г.): по ВВП на душу населения – Люксембург, Швейцария, Норвегия,

Катар, Макао, Исландия, США, Ирландия, Дания, Сингапур; по Индексу инклюзивного развития – Норвегия, Исландия, Люксембург, Швейцария, Дания, Швеция, Нидерланды, Ирландия, Австрия, Австралия. Очевидно, что списки не совпадают, более того, США даже не вошли в десятку лидеров по инклюзивному развитию [1, с. 79].

Устойчивое развитие, о котором начали говорить в 70-х годах прошлого века, всегда связывали с качеством жизни человека и окружающей его среды.

Современные технологии дают возможность улучшать эти два показателя, экономя природные ресурсы, совершенствуя здравоохранение и повышая благосостояние. Летом 2018 г. в Йоханнесбурге состоялся Десятый саммит БРИКС, прошедший под девизом «БРИКС в Африке: Сотрудничество для достижения инклюзивного роста и всеобщего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции» [5]. Однако, вопрос об инклюзивном росте был поднят еще в 2008 году. В Отчете Комиссии по росту и развитию, работавшей по заданию Всемирного Банка, возглавлявший Комиссию лауреат Нобелевской премии М. Спенс писал: «устойчивый рост создает возможности и имеет важное значение для вещей, которые волнуют людей: сокращение бедности, продуктивная занятость, образование, здоровье и возможность быть творческими» [6, с. 12].

Проблема устойчивого и инклюзивного роста, Inclusive Growth (всеохватывающий, все включающий), возникла в связи с замедлением экономического роста в ведущих 13-ти экономиках мира, которые, начиная с середины 50-х годов прошлого века и примерно до 2000 г., показывали средний рост в 7%, но затем произошло замедление, усугубленное финансовым кризисом 2008 г. [7].

По определению, данному OECD, инклюзивный социально-экономический рост дает возможность всем слоям населения получать справедливо распределенные материальные и нематериальные блага и повышать благосостояние всего общества [7].

В Отчете Комиссии 2008 г. были проанализированы все аспекты Стратегии экономического роста, в том числе: уровень инвестиций, трансфер технологий, конкуренция и структурные изменения, рынок труда, продвижение экспорта и промышленная политика, курсы валют, потоки капитала и открытость финансового рынка, макроэкономическая стабильность, сбережения, развитие финансового сектора, урбанизация и инвестиции в сельское хозяйство, справедливость и равенство возможностей, региональное развитие, окружающая природная среда и использование энергии, эффективность правительства, качество дебатов и наличие плохих идей. Результатом явились прогнозы по всем основным перечисленным индикаторам до 2020 г., согласно которым происходит их общее снижение и появляется острая необходимость в изменении политики экономического роста и переход на инклюзивный технологический экономический рост как для

развитых, так и для развивающихся стран. Согласно данному документу, Россия отнесена к резервным позитивным экономикам, еще не раскрывшим свой потенциал.

К традиционным показателям и компонентам экономического роста при инклюзивном технологическом росте присоединяются индикаторы цифровой экономики, а также экологические и социальные.

К экологическим индикаторам, являющимся обязательными для устойчивого развития, относят: меры природоохранного регулирования, число ратифицированных международных договоров по охране и сохранению природной окружающей среды, защиту наземных экосистем, использование возобновляемых природных ресурсов (леса, воды, рыбных запасов) и степень деградации окружающей среды (концентрацию в атмосферном воздухе твердых частиц, интенсивность выбросов углекислого газа и проч.) [8].

К параметрам социальной устойчивости относят: доступ к удовлетворению базовых потребностей (питьевая вода, канализация, здравоохранение), степень уязвимости к социально-экономическим шокам (потеря работы, размер теневой экономики), социальное единство (индекс Джини по доходам, социальная мобильность, уровень безработицы среди молодежи).

Переход к инклюзивному развитию и комплексному росту всех сфер хозяйствования с целью обеспечения качества жизни каждого члена общества можно рассматривать как новую цивилизацию, наряду с традиционной (сельскохозяйственной), индустриальной и постиндустриальной (информационной). На это указывает О. Мамедов в своей статье «Экономика инклюзивной цивилизации» [9]. Инклюзивность является новым критерием цивилизованности, обладая свойством системности: «Инклюзивные изменения будут способствовать развитию гражданского общества, поскольку здесь осуществляется переход от удовлетворения массовых потребностей к удовлетворению индивидуальных потребностей, чего не в состоянии учесть и осуществить государство, будучи институтом удовлетворения усредненных социальных потребностей» [9, с. 14].

Переход к технологическому инклюзивному росту, основанному на цифровых технологиях, на наш взгляд, позволяет решить проблему неравного вклада отдельных индивидов в общественный продукт и следующую из этого неравную оплату труда, и крайнюю степень неравенства – бедность. Нобелевская премия в области экономики в 2019 году была присвоена группе исследователей-экономистов – Абежиту Банерджи, Эстер Дюфло (Массачуссетский университет, США) и Майклу Крамеру (Гарвард) – проводивших ряд экспериментов по борьбе с бедностью в Африке и Индии, обосновавших распределение помощи бедным из разных, в том числе, благотворительных источников [10]. Фактически их работы явились подтверждением теории инклюзивного развития, они указали путь, каким

образом можно эффективно перераспределять доходы между богатыми и бедными и получить дополнительный эффект в виде здоровых и более трудоспособных и творческих индивидов.

Разработчики решений теоретических и практических проблем инклюзивной экономики из Фонда Рокфеллера характеризуют инклюзивную экономику как равноправную, создаваемую всем населением, показывающую устойчивый рост и стабильность во всех социальных и хозяйственных сферах. Инклюзивной является такая экономика, которая предоставляет и постоянно расширяет возможности для всех членов общества, особенно для тех, кому сложно получить доступ к материальным и нематериальным благам. Последнее относится и к цифровому доступу, оговоренному в Декларации принципов информационного общества [11].

Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают необходимость социальных результатов экономического роста, его качество. Среди них следует отметить Лауреатов Нобелевской премии Р. Солоу и М. Спенса [7], а также Э. Корсо [12] и К. Сена [13], И.М. Тенякова [14], О.С. Сухарева [15], У.А. Мадрахимова [16], В.В. Арсланова [17, 18], Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [19], Т.С. Медведкина [20], А.А. Казакову [21], А.Б. Каримову [22], Ч. Улаан [23], Л.В. Сморгуну [24], А.Е. Кисову [25].

Эдуардо Корсо предлагает в основу анализа инклюзивного экономического роста положить показатели занятости, поскольку быстрые темпы роста, безусловно, необходимы для существенного сокращения масштабов нищеты, но для того, чтобы этот рост был устойчивым в долгосрочной перспективе, он должен иметь широкую основу для всех секторов и включать большую часть рабочей силы страны [12, с. 1]. Данный подход к понятию инклюзивного роста подразумевает прямую связь между макро- и микро-детерминантами роста и отражает важность структурных преобразований для диверсификации экономики и конкуренции, включая преобразование рабочих мест и фирм. Политика инклюзивного роста является важным компонентом любой государственной стратегии устойчивого роста, и основы для инклюзивной аналитики роста эклектичны по духу. Предполагается, что основным инструментом устойчивого и всестороннего роста будет продуктивная занятость. Рост занятости создает новые рабочие места и доходы для индивидуума – от заработной платы во всех типах фирм или от samozанятости, как правило, в микропредприятиях, - в то время как рост производительности имеет потенциал для поднятия заработной платы занятых и возврата к samozанятости. В качестве главной компоненты samozанятости можно выделить человеческий капитал, включающий образование и здоровье, наличие специальных, профессиональных навыков, также способность их приобретать, а также возможность доступа к рынку труда.

Самозанятость набирает все большее распространение в цифровой экономике, поскольку она связана с экономической деятельностью в компьютерной сети Интернет. Способность людей продуктивно работать зависит от возможностей в полной мере использовать имеющиеся ресурсы по мере развития экономики с течением времени. Поэтому анализ рассматривает способы укрепления производственных ресурсов и потенциала личности со стороны предложения труда, а также способы открытия новых возможностей для продуктивной занятости со стороны спроса на рабочую силу. Подход, основанный на инклюзивном росте, предполагает долгосрочную перспективу, подразумевающую, что важно признать разницу во времени между реформами и результатами. Инклюзивная аналитика роста – это политика, которая должна быть реализована в краткосрочной перспективе, но для устойчивого инклюзивного роста в будущем.

Бизнес-среда в цифровой экономике представляет собой, прежде всего, технологическую базу, но включает и уровень частных инвестиций и предпринимательства. Особенно от состояния бизнес-среды зависят наемные работники, для которых большое значение имеет спрос на рабочую силу и в связи с этим появляется дерево факторов, представленное на рис. 1.

На рис. 1 отмечено влияние цифровизации на самозанятость и наемную рабочую силу. В целом негативные перспективы состояния бизнес-среды, отмеченные Э. Корсо, могут быть улучшены под воздействием цифровизации, которая влияет практически на все элементы дерева.

Рис. 1. Детализация факторов инклюзивного роста с добавлением позитивного фактора цифровизации (составлено авторами на основе [12])

Человеческий капитал усиливается благодаря цифровому доступу, приобретаются новые навыки в области информационных технологий и упрощается доступ к рынку труда благодаря Интернет; инвестиции возрастают в связи с незначительными затратами на организацию виртуального бизнеса и его массовостью, а также использованию криптовалюты для поддержки различных проектов: стирается грань между международными и локальными финансами благодаря транзакциям в виртуальной среде, облегчается доступ к ним для предпринимателя; также благодаря Интернет облегчается координация рынков и их сегментов, снижается порог входа на рынок для предпринимателя и, следовательно, уменьшаются рыночные экстерналии.

Возможности трудоустройства повышаются, как и функциональные возможности бизнеса, следовательно, возрастает спрос на наемных работников. Факторы индивидуальной занятости образуют предложение на рынке труда.

Провалы рынка, связанные с информационными экстерналиями, также уменьшаются, поскольку в Интернет отсутствует понятия географической удаленности и связанной с этим более высокой ценой транзакции: любой покупатель и продавец могут в один «клик» получить список запрашиваемых товаров и их цены в разных магазинах. Для многих Интернет-магазинов в России существует единая цена доставки товара, независимо от местоположения покупателя.

Как рекомендует Э. Корсо, для получения цельного представления о структуре инклюзивного роста, необходимо осуществить следующие три шага. Во-первых, «фоновый» анализ, включая понимание основных факторов, объясняющих прошлые тенденции роста и сокращения бедности в стране, а также изменения тенденций, общую производительность и динамику занятости в стране, основные проблемы и стоящие перед ними возможности, а также возможности для экономических преобразований и диверсификации. Во-вторых, необходимо составить профили экономических субъектов с акцентом на конкретные группы предпринимателей с описанием их доходоприносящей деятельности, по самозанятым и наемным работникам, различаемым по секторам, размеру фирмы, географическим районам (например, сельские (городской), по субнациональным единицам (например, провинциальным, государственным и другим), по типу (например, формальным или неформальным) и другим соответствующим характеристикам. Результаты этих двух этапов позволяют получить представление о том, в каких видах деятельности участвуют конкретные группы и в какой степени эти виды деятельности имеют потенциал для роста или возможна ли миграция в другие сектора – в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В-третьих, необходимо определить ограничения для инклюзивного роста, мы используем организационную структуру, представленную на рис. 1, для выявления ограничений с точки зрения различных субъ-

ектов экономической деятельности. Принимая во внимание его гибкость, качество всестороннего анализа роста зависит от качества и разнообразия инструментов и данных, применяемых для соответствия структуре. Мы также считаем, что требуется включить цифровизацию как всеохватывающий фактор и, с учетом ее, выявить ресурсы для инклюзивного экономического роста в России.

Согласно пониманию К. Сена, экономический рост представляет собой различные фазы, между которыми осуществляется эволюционный или революционный переход: на первой фазе, названной «чудо роста», осуществляется реальное увеличение выпускаемой продукции и потребления, реализуются инновации; вторая фаза – это стабилизация роста, устойчивое развитие экономики (некоторые экономисты на Западе считали, что на этой фазе необходимы инвестиции государства, чтобы «подтолкнуть» кривую роста вверх, не дать ей опуститься ниже уровня, когда уже инвестиции не помогут); третья фаза – стагнация, остановка роста (что наблюдается в настоящее время в мировой экономике – повсеместное замедление экономического роста, ожидание рецессии); четвертая фаза – кризис [13]. От последних двух фаз может быть переход к первым двум в случае ускорения развития, например, благодаря технологиям, или, наоборот, от первой фазы – сразу к третьей, или от второй – к четвертой – в случае коллапса. Для каждой страны на каждом этапе ее исторического развития необходимо четко понимать, в какой стадии экономического роста она находится и какой возможен переход под влиянием групп факторов акселераторов (ускорения) или коллапса. Часто в роли таких экономических катализаторов выступают институциональные факторы, например, в последнее время в России много внимания уделяется развитию малого и среднего бизнеса, осуществляются одноразовые гранты, но не меняется принципиально система налогообложения, или эти изменения не принципиальны для предпринимателя. В результате довольно мощной государственной поддержки и траты больших бюджетных средств малый и средний бизнес не только не усиливается, но и сокращается. Факторами коллапса могут выступить различные длительные забастовки, антиправительственные акции и социальные революции, ведущие к остановке производства и резкому падению уровня жизни населения.

К. Сен пишет: «Инклюзивные экономические институты имеют надежные права на собственность для большинства населения (например, мелких фермеров и мелких фирм), правопорядок, рынки, которые открыты для относительного свободного входа новых предприятий, государственную поддержку рынков (в форме предоставления общественных благ, регулирования и соблюдения контрактов), а также доступ к образованию и возможности для основного большинства граждан. Инклюзивные политические институты позволяют осуществлять широкое участие граждан страны в государственном управлении, отстаивают верховенство закона и

накладывают соответствующие ограничения на действия власти и отдельных граждан» [13, с. 140]. Таким образом, совместные действия экономических и политических институтов могут поддерживать длительный экономический рост.

Инклюзивный экономический рост измеряется не столько количественными, сколько качественными показателями, включающими, помимо доходов на душу населения за счет высокотехнологической продукции, также «недоходные» параметры, такие как свободное время, качество окружающей природной среды, возможности для активного отдыха. И.М. Теняков выделяет следующие подходы для определения и оценки качества экономического роста: 1) структурный, включающий темпы экономического роста, пропорции между отраслями, производством и потреблением; 2) ресурсный, при котором прежде всего оцениваются темпы роста в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве, и добыче полезных ископаемых; 3) экологический, при котором не допускается ухудшения природной окружающей среды; 4) социальный, при котором на первое место выходит качество жизни; 5) социально-психологический, оценивающий «счастье» населения [14].

У.А. Мадрахимов исследует факторы качества экономического роста [16] и включает в показатель качества экономического роста макропоказатели экономической, социальной и экологической систем. Качество экономического роста зависит от его устойчивости, эффективности и инклюзивности. Устойчивость предполагает прирост валового внутреннего продукта, прирост инвестиций и их доли в ВВП, увеличение доли прямых иностранных инвестиций, рост доли сбережений в ВВП, увеличение темпа роста занятости и доли занятых в малом бизнесе и частного предпринимательства, доли экспорта в ВВП и увеличение темпа роста производительности труда в экономике. Последний показатель (темп роста производительности труда в экономике) в свою очередь является эндогенной переменной и также зависит от доли малого бизнеса и частного предпринимательства в ВВП, темпа роста потребительских расходов и коэффициента капиталоемкости. Именно темп роста производительности труда определяет эффективность экономического роста в целом. Инклюзивность характеризуется уровнем малообеспеченности, зависящим от доли средств предприятий в валовых инвестициях, темпа роста иностранных инвестиций и темпа роста экономически активного населения. У.А. Мадрахимов предложил методику расчета качества экономического роста на основе двухгодичных средних показателей капиталоемкости экономического роста, а для экологического показателя качества экономического роста предлагается использовать показатели объема валового внутреннего продукта и объем расходов на окружающую среду [16].

На основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (сайт gks.ru), можно сделать вывод, что абсолютное

значение ВВП в рублях Российской Федерации постоянно увеличивалось, но темпы роста с 2013 г. по 2015 г. падали с 1,8% до -2,3%, хотя, начиная с 2016 г. происходил медленный подъем, который достиг 2,3% в 2018 г. Одновременно ВВП, измеряемый в долларах США, постоянно снижался с 2013 по 2016 гг., в связи с чем и падали реальные доходы населения. В 2019 г. ВВП РФ достиг 1610,381 млрд долларов США, показав падение по сравнению с 2018 г. на 1,25%.

Непрерывно росли инвестиции в основной капитал, но капиталоемкость экономического роста значительно изменялась, демонстрируя «пилообразный» характер. Нестабильность данного показателя свидетельствует о недостаточно хорошем качестве экономического роста.

Реальные доходы населения России, начиная с 2003 года, фактически имели непрерывный тренд к падению до 2016 года и только немного улучшились в 2018 г., выйдя из отрицательной зоны, но оставаясь с худшим в 9 раз приростом, чем в 2000 году, и в 15 раз по сравнению с 2003 годом.

Как следует из данных табл. 1, начиная с 2013 г. по 2015 г. число бедных в России росло с 15,5 млн. человек до 19,5 млн. человек, затем число граждан, живших за чертой бедности, стабилизировалось, незначительно снизившись в 2017 году и сократившись еще на полмиллиона в 2018 г. Величина прожиточного минимума постоянно увеличивалась, но это практически не сказывалось на численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, оставаясь только показателем на бумаге. Так, прожиточный минимум пенсионера в Тамбовской области в 2018 г. составил 7489 руб. а в 2019 г. возрос до 7811 руб. (+322 руб.), отставая от заявленного прожиточного минимума на -2476 руб. (для пенсионеров он установлен в размере 8583 руб., т. е. разница составляет в данном случае 772 руб.).

Таблица 1

Показатели уровня бедности в Российской Федерации

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума млн. чел.	15,5	16,1	19,5	19,5	19,4	18,9
В процентах от общей численности населения	10,8	11,2	13,3	13,3	13,2	12,9
Величина прожиточного минимума, руб.	7306	8050	9701	9828	10088	10287

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (сайт gks.ru).

В Республике Крым прожиточный минимум пенсионера даже сократился на 160 руб., с 8530 руб. в 2018 г. до 8370 руб. в 2019 г. (разница в 213 руб. с заявленным для пенсионеров минимумом). В 2020 г. установлен минимум для пенсионеров в 9236 руб.

Минимальный размер заработной платы с 1 января 2019 г. установлен в размере 11280 руб. (статья 1 закона о МРОТ от 19.06.2000 № 82-ФЗ) для трудоспособного населения это соответствует установленному прожиточному минимуму, в 2020 г. ожидается 12130 руб.

Согласно опросу, проведенному «Левада-центром», 43% населения России заявили о снижении уровня жизни в 2019 г., при этом только 13% респондентов заявили, что их жизнь улучшилась. Опрос был проведен 12-18 декабря 2019 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1608 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ [25].

Приведенные данные подтверждают необходимость инклюзивного экономического роста, направленного на улучшение качества жизни населения, поскольку «чистый» рост ВВП не гарантирует качества жизни.

Для осуществления качественного экономического роста и обеспечения его инклюзивности необходимы определенные институциональные преобразования, на что указывает в своих работах В.В. Арсланов [17, 18]. Он вводит понятие «инклюзивных институтов», противопоставляя их «экстрактивным» институтам, созданным одними слоями (стратой) общества для присвоения благ других слоев (введено понятие американскими экономистами Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном [19]). При этом все общество американские экономисты делят на две категории: к первой относятся страны, с преобладанием экстрактивных экономических институтов и политических институтов; ко второй – с преобладанием инклюзивными политическими и экономическими институтами. Устойчивый экономический рост возможен только в странах со вторым типом институтов, что показано на многочисленных исторических примерах. При этом данные общества более восприимчивы к инновациям и генерируют интенсивный экономический рост. В.В. Арсланов отмечает, что, несмотря на спорные моменты теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, для индустриального и постиндустриального периода, включая современный этап информатизации и цифровизации, роль институтов в экономическом росте возрастает [18, с. 59].

Для современной экономики характерна технологическая многоукладность и, в связи с этим, возникают сложности в создании единой теории ее развития, как это было во времена появления работ К. Маркса и Дж. Кейнса. Впервые понятие технологического уклада ввели академики Российской Академии наук Д.С. Львов и С.Ю. Глазьев [27], впоследствии эта теория была развита С.Ю. Глазьевым [28]. Шестой экономический уклад, который характеризуется веером новых технологий, составляющих основу цифровой экономики, пока только формируется, но, учитывая ско-

рость технологических инноваций, он может быстро смениться седьмым, и так далее, и теория в данном случае не будет успевать за практикой. Шестой уклад характеризуется, прежде всего, информационными технологиями, но материальную его базу составляют нанотехнологии. В связи с влиянием, которое оказывает Интернет на человека, и развитием искусственного интеллекта как ветви информационных технологий, также в технологии шестого уклада входят когнитивные науки. Происходит НБИК-конвергенция, означающая взаимопроникновение нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий, на базе которых вплоть до 2040 года ожидается новая фаза экономического роста [29].

Одновременное существование в экономике различных технологических укладов приводит к тому, что их «воспроизводство сопровождается накоплением диспропорциями и растущими потерями в экономике» [20, с. 8] и, соответственно, негативно сказывается на благосостоянии населения, поскольку отвлекаются ресурсы и сдерживаются прогрессивные сдвиги в социально-экономическом развитии.

Т.С. Медведкин считает, что некоторой оптимальной моделью, сочетающей инклюзивность и устойчивость экономического роста, является «зеленая» экономика, значительно расширяющая пределы роста: «Если нынешние тенденции роста мирового населения, индустриализации, загрязнений, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, то предел роста на этой планете будет достигнут примерно в ближайшие сто лет» [20, с. 11]. В связи с этим необходимо в модели роста учитывать невозобновляемые и возобновляемые природные ресурсы и демографическую ситуацию, а растущий спрос на товары и услуги делает инклюзивный экономический рост проблематичным. По мнению Т.С. Медведкиной, которое мы разделяем, «зеленая» направленность социально-экономического развития благодаря проводимой государствами политике, позволяет, во-первых, «увеличить естественный капитал за счет более эффективного управления дефицитными ресурсами» и, во-вторых, «повысить уровень качества труда путем улучшения здравоохранения» [20, с. 14].

Между экономическим ростом и социальным развитием существует ряд противоречий, замедляющих инклюзивный рост и приводящих к негативным последствиям. А.А. Казакова, анализируя наиболее бурно развивающиеся в XXI веке страны – Бразилию, Индию и Китай, – делает выводы, которые свидетельствуют о препятствиях в достижении целей программ государственного развития, направленных на повышение качества жизни [21]. Эти препятствия связаны, во-первых, с консервативностью развития общества, особенно в сельских районах, относительно технологически развитых крупных городов, что затрудняет борьбу с бедностью и выравниванием доходов населения; во-вторых, мировой финансовый кризис снизил возможности государств осуществлять масштабные программы

по поддержке устойчивых темпов инклюзивного технологического роста; в-третьих, для крупных государств, таких, как Россия, с разнородными регионами как по географическому положению, так и по уровню жизни, возникают противоречия между местными и общегосударственными интересами, что приводит к замедлению роста и к коррупции. Таким образом, разрыв между богатыми и бедными слоями населения не только не сокращается, но и увеличивается [26].

Дополнительные проблемы инклюзивному росту как развитых, так и развивающихся стран, создают миграционные потоки, состоящие, в основном, из неквалифицированной рабочей силы и, в следствие этого, не имеющие возможности участвовать в технологическом развитии. Более того, они, получая пособия от государства, в которое прибыли, забирают на себя значительную часть финансовых средств, которые могли бы быть направлены на инклюзивный рост. Для европейских стран первоначальная версия о дополнительной рабочей силе в виде мигрантов практически полностью провалилась, поскольку большая часть прибывших не только не может работать на высокотехнологичных предприятиях, но и не хочет работать в принципе, занимая иждивенческую позицию. Ситуация с мигрантами уже получила название «европейского миграционного кризиса», вынудила ряд стран закрыть для них свои границы, в том числе и США. Бюджеты европейских стран не предусматривали расходы на содержание мигрантов, обеспечение их жильем. Так, в 2015 году, в разгар данного кризиса, было подано 1534106 заявлений от беженцев, в 2014 г. – 782782, а в 2018 г. поток уменьшился и составил менее 581 тысячи (данные Евростата). В России число иностранных мигрантов от общей численности населения составила 8,1% в 2017 г. – 11652 тыс. человек (International Migration Report 2017. Р. 25–28). В этом же году из России было отправлено: в Казахстан – 709,399 млн долларов США, Киргизию – 2210,571 млн, Таджикистан – 2535,839 млн, Туркменистан – 1,603 млн, Узбекистан – 3901,487 млн, в Германию – 1105,838 млн, Италию – 1442,863 млн, Великобританию – 2328,262 млн, США – 2417,558 млн, Швейцарию – 6203,728 млн долларов США (по данным Центрального банка РФ) [30].

Как пишет А.Б. Каримова, «в этой ситуации глобальные регуляторы приступили к дискуссии о состоянии международной структуры распределения и оценки доходов, призванной провести инвентаризацию отношений между альтернативными мирами (развитым и развивающимся), богатством и бедностью, измерить ресурсы выживания по обе стороны разделительной линии, смыкая ее частно-государственным сотрудничеством» [22, с. 131-132].

Инклюзивный рост предполагает эффективное управление, развитый человеческий капитал, а также интегрированные усилия рынка, правительства и гражданского общества для создания эффективного государства.

Л.В. Сморгунов пишет: «Государство играет важную роль в создании институтов связи между экономикой и обществом, между экономическим и социальным развитием. Современные государственные институты призваны обеспечить управляемость, которая является динамическим состоянием, предполагающим открытость государственного управления к реформам, стимулированным задачей формирования и развития динамических способностей государства в сложных и неопределенных средах» [24, с. 24]. При этом государству необходимо использовать собственные стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; координировать интересы групп членов общества; справляться с гражданскими вызовами; обеспечивать устойчивость общества к политическим угрозам; формировать сотрудничество бизнеса, общества и государства. Следует добавить, что важным фактором инклюзивного развития является доверие членов общества к бизнесу и государству как ответственным субъектам гарантии экономической и социальной безопасности.

Основой инклюзивного роста экономики России А.Е. Кисова считает социальные инновации и отмечает следующие их характеристики:

- 1) антропоцентризм, направленность на индивидуума; новшество, заключающееся в формировании новых потребностей;
- 2) инерционность и кумулятивный эффект, взаимосвязь экономических и социальных аспектов;
- 3) социальный капитал, от которого зависят производство и скорость внедрения технологических и социальных инноваций;
- 4) синергизм – «главной целью экономического роста страны становится не просто количественное увеличение всех факторов и результатов общественного производства, а их качественное совершенствование с целью повышения уровня и качества жизни человека» [25, с. 164];
- 5) разрешение общественных проблем, благодаря сфокусированности социальных инноваций на новых идеях и социальных ценностях;
- 6) рискогенность, заключающаяся в психологии человека и его отношении к социальным инновациям;
- 7) конвергентность – объединение для достижения цели представителей различных секторов хозяйства и социальных групп [24].

Выводы

Таким образом, инклюзивный экономический рост является достаточным условием устойчивого социально-экономического развития государства и мира в целом, он должен охватывать различные интернациональные группы лиц и граждан конкретных стран, обеспечиваться «зеленой» политикой и взаимодействием высокотехнологичного бизнеса и эффективного государства, образованным и здоровым населением. Информационные технологии цифровой экономики создают благоприятные условия для обеспечения инклюзивного экономического роста.

Литература

1. Краснокутский П.А., Змияк С.С., Яровая Н.С. Концепция инклюзивного роста: новые возможности или осознанная необходимость? // Теоретическая экономика. 2018. № 6 (48). – С. 77-86.
2. Санто Б. Сила инновационного саморазвития // Инновации. 2004. № 2 (69). С. 5-15.
3. В Давосе придумали альтернативу показателю ВВП. И кто теперь мировой лидер? URL: <https://news.mail.ru/card/117/>.
4. The Inclusive Growth and Development Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
5. Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5323>.
6. Commission on Growth and Development. The Growth Report. Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development / The World Bank. 2008. – 198 p. URL: [Growth_Commission_Final_Report.pdf](#).
7. Хоменко О.В. Инклюзивный рост КНР: социально-экономический эффект. URL: <https://www.uifuture.org/ru/post/ekonomika-kitaa-inkluzivnyj-rost-proanaliziroval-ekspert-ukrainskogo-instituta-budusego/>.
8. Левенков А. Инклюзивный рост: понятие, индикаторы, международный опыт // Банкаўскі веснік. СНЕЖАНЬ. 2018. – С. 41-46.
9. Мамедов О.Ю. Экономика инклюзивной цивилизации // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. – С. 6-18.
10. Таблетка от бедности. За что дали Нобеля по экономике. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50039458>.
11. Декларация принципов. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. Женева, 2003 г. – Тунис, 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf.
12. Corso E. Inclusive Growth Analysis and HRV: A Methodological Note. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTDEBTDEPT/Resources/468980-1316457581843/TPIGandHRV.pdf>.
13. Sen Kunal. Inclusive Growth: When May We Expect It? When May We Not? // Asian Development Review. 2014. Vol. 31. No. 1. P. 136–162.
14. Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество. Монография. – М.: Изд-во «Проспект», МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. – 186 с.
15. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии / О.С. Сухарев. – 2-изд., перераб. – М.: Финансы и статистика, 2015. – 464 с.
16. Мадрахимов У.А. Методологические вопросы качества экономического роста // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 8 (467). – С. 1541-1566.
17. Арсланов В.В. Инклюзивные институты – основной фактор устойчивого роста? Статья 1 // Общественные науки и современность. 2016. № 4. – С. 36-47.
18. Арсланов В.В. Инклюзивные институты – основной фактор устойчивого роста? Статья 2 // Общественные науки и современность. 2016. № 5. – С. 49-62.
19. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 770 с.
20. Медведкин Т.С. Дуализм императивов экономического роста и принципов зеленой экономики // Финансовые исследования. 2017. № 4 (57). – С. 8-16.
21. Казакова А.А. Инклюзивный рост: проблема социологической концептуализации // Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. – С. 33-36.
22. Каримова А.Б. Инклюзивный девелопмент: концепция сдвига // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2 (39). – С. 130-153.

23. Улаан Ч. Проблемы устойчивого инклюзивного роста мировой экономики // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 1. – С. 66-72.
24. Сморгун Л.В. Государство, сотрудничество и инклюзивный экономический рост // Власть. 2017. Т. 25. № 11. – С. 22-30.
25. Кисова А.Е. Социальные инновации как основа инклюзивного экономического роста национальной экономики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3 (37). – С. 159-164.
26. Жизнь почти половины россиян стала хуже в 2019 году // URL: <https://news.mail.ru/society/39979961/?frommail=1>.
27. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992. – 207 с.
28. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.
29. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитоновой. – М.: Тривант, 2019. – 304 с.
30. Трансграничные операции физических лиц по основным странам-контрагентам (резидентов и нерезидентов) / Центральный банк РФ. Статистика внешнего сектора на 1 октября 2019 г. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

Поступила в редакцию

03.09.2020

Апатова Наталья Владимировна – доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой Бизнес-информатики и математического моделирования Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия.

Apatova Nataliya V. – Doctor of Economic Sciences, Doctor of Pedagogical Science, Professor, Head of Business Informatics and Mathematic Modelling Department, Institute of Economics and Management (structural subdivision) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Узаков Тимур Константинович – соискатель кафедры Бизнес-информатики и математического моделирования Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия.

Uzakov Timur K. – Postgraduate, Business Informatics and Mathematic Modelling Department, Institute of Economics and Management (structural subdivision) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Россия, 295033, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
4, av. Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295033, Russia
e-mail: apatova@list.ru
e-mail: timur.uzakov@gmail.com